

—❧— ОСКАРОНОСНЫЕ КНИГИ —❧—

МИССИС МИНИВЕР

ДЖЕН СТРУТЕР

ЭКРАНИЗАЦИЯ
РОМАНА —

12 НОМИНАЦИЙ
НА «ОСКАР»

6 ПРЕМИЙ
«ОСКАР»,

ВКЛЮЧАЯ
ЛУЧШИЙ ФИЛЬМ

Любовь. Семья. Долг.
И мир, который может исчезнуть в любой момент.

Джен Струтер
Миссис Минивер

«Автор»

2026

Струтер Д.

Миссис Минивер / Д. Струтер — «Автор», 2026

Роман «Миссис Минивер» Джен Струтер — удивительно тёплая и тонкая книга о повседневной жизни английской семьи накануне Второй мировой войны. Дом и сад, дети и семейные привычки, новая машина, поездки, праздники, маленькие радости и тревоги складываются в живой портрет эпохи. Но постепенно привычный мир меняется. В разговорах появляются политика и война, в дом входят противогазы, затемнение окон и ожидание разлуки. И именно тогда особенно ясно становится, насколько драгоценны самые обыкновенные вещи — домашний уют, любовь близких, чувство юмора и способность радоваться жизни. Из газетных очерков Джен Струтер выросла книга, покорившая миллионы читателей во многих странах мира и вдохновившая создателей знаменитого оскароносного фильма «Миссис Минивер». Фильм стал главным триумфатором 15-й церемонии вручения наград кинопремии «Оскар» (1943), собрав 6 статуэток при 12 номинациях. Это история о достоинстве, стойкости и тихом мужестве человека перед лицом большой истории.

© Струтер Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	7
МИССИС МИНИВЕР ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ	8
НОВАЯ МАШИНА	10
ДЕНЬ ГАЯ ФОКСА	13
НАКАНУНЕ ОХОТЫ	15
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОКУПКИ	17
ТРИ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ЧУЛКА	19
НОВЫЙ ЕЖЕДНЕВНИК	21
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ	23
В ПОИСКАХ ПРИХОДЯЩЕЙ УБОРЩИЦЫ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джен Струтер Миссис Минивер

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика

1. МИССИС МИНИВЕР ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ
 2. НОВАЯ МАШИНА
 3. ДЕНЬ ГАЯ ФОКСА
 4. НАКАНУНЕ ОХОТЫ
 5. РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОКУПКИ
 6. ТРИ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ЧУЛКА
 7. НОВЫЙ ЕЖЕДНЕВНИК
 8. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ
 9. В ПОИСКАХ ПРИХОДЯЩЕЙ УБОРЩИЦЫ
 10. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ
 11. НА ХЭМПСТЕД-ХИТ
 12. В ГОСТЯХ В ЗАГОРОДНОМ ДОМЕ
 13. МИССИС ДАУНС
 14. СУПРУЖЕСКИЕ ПАРЫ
 15. ПОЕЗДКА В ШОТЛАНДИЮ
 16. ДВЕНАДЦАТОЕ АВГУСТА
 17. НА ИГРАХ
 18. ОСЕННИЙ ПЕРЕЕЗД
 19. ПРОТИВОГАЗЫ
 20. ВОЗВРАЩЕНИЕ К НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
 21. БЭДЖЕР И ЕХИДНА
 22. БУЙНЫЙ ДЕНЬ
 23. «ЕВРЕИ»
 24. КАНУН НОВОГО ГОДА
 25. ВЫБОР КУКЛЫ
 26. У ЗУБНОГО ВРАЧА
 27. КАРМАН, ПОЛНЫЙ КАМЕШКОВ
 28. ЕЖЕВИКА И ЯБЛОНИ
 29. КИЛИМ
 30. НА РЕКЕ
 31. ЛЕВОЕ И ПРАВОЕ
 32. ПО СЛЕДАМ КРОТА
 33. НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
 34. ЛОНДОН В АВГУСТЕ
 35. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ
 36. НА СБОРЕ ХМЕЛЯ
 37. «ИЗ ПОТРЕБНОСТИ В ОПАСНОСТИ»
 38. МИССИС МИНИВЕР СОСТАВЛЯЕТ СПИСОК
- БОНУСНАЯ ЧАСТЬ

Приложение 1. Англия на пороге бури: исторический и культурный контекст «Миссис Минивер»

Приложение 2. Рецепты и традиции старой доброй Англии из блокнота миссис Минивер

Приложение 3. Кинематографическая судьба шедевра: как книга создала легендарный фильм

Приложение 4. Гид по английскому саду и загородному дому миссис Минивер

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Перед вами книга, которая родилась из небольших газетных зарисовок о повседневной жизни и со временем стала одним из литературных символов своей эпохи. Джен Струтер строит «Миссис Минивер» не как традиционный роман с единой стремительно развивающейся интригой. Перед читателем постепенно складывается мозаика жизни английской семьи: дом и дети, поездки и покупки, праздники и семейные привычки, смешные разговоры, маленькие тревоги и те почти незаметные мгновения счастья, из которых в действительности и состоит человеческая жизнь. В центре этой мозаики — Кэролайн Минивер. Она смотрит на окружающий мир с редким сочетанием здравого смысла, мягкой иронии и способности замечать значение самых обыкновенных вещей. Новая машина, букет цветов, детский рождественский чулок, поездка за город или старый семейный список становятся поводом задуматься о времени, памяти, любви и быстротечности жизни.

Но постепенно меняется сам воздух книги. За уютным миром дома всё отчётливее ощущается приближение войны. Противогазы, эвакуированные дети, военная служба, затемнение и тревога входят в прежде размеренную жизнь почти буднично. Именно этот контраст делает поздние страницы особенно сильными: читатель уже знает цену тому простому мирному счастью, которое в начале книги казалось естественным и незыблемым. При работе над русским переводом мне хотелось прежде всего сохранить голос Джен Струтер — спокойный, интеллигентный, ироничный и удивительно человеческий. Поэтому я стремился не осовременивать текст без необходимости и одновременно избегать тяжеловесности, которая могла бы отдалить сегодняшнего русского читателя от живой интонации оригинала.

«Миссис Минивер» — книга не только об Англии конца 1930-х годов. Она о доме, который становится частью человека; о детях, которые взрослеют быстрее, чем нам хотелось бы; о вещах, хранящих память; о способности замечать счастье прежде, чем обстоятельства заставят понять, насколько оно было драгоценно. И, пожалуй, именно поэтому миссис Минивер всё ещё возвращается домой — теперь уже к новому читателю.

Владимир Давыдов

МИССИС МИНИВЕР ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

Как же хорошо, думала миссис Минивер, прощально кивая продавщице цветов и неся по улице огромную охапку хризантем с какой-то почти торжественной радостью, словно это был рог изобилия. Как же хорошо снова войти в привычную колею, аккуратно убрать лето в коробку и подхватить нить своей жизни там, где её пришлось выпустить из рук на время каникул — этого необязательного отступления. Не то чтобы она не любила каникулы. Но всякий раз, когда они заканчивались, она испытывала некоторое облегчение — и, пожалуй, именно это лучше всего говорило о том, насколько она счастлива. Обычная жизнь нравилась ей так сильно, что она почти боялась выходить за её рамки: вдруг однажды окажется, что вернуться уже невозможно? Волшебство исчезнет, и прежнюю атмосферу не удастся восстановить.

Но на этот раз, во всяком случае, всё было в порядке. Вот и дом — такой же аккуратный и приветливый, как всегда, — появился перед ней, когда она завернула за угол площади. Для постороннего его небольшой оштукатуренный фасад был так же неотличим от соседних, как одна овца в стаде. Но для неё он был совершенно особенным: чуть светлее дома слева, чуть темнее дома справа; над входной дверью не хватало одной гипсовой розетки, а балкон второго этажа был едва заметно перекошен. И сама площадь оставалась прежней. Листва на деревьях была ещё почти такой же густой, как в августе, когда она уезжала. Но тогда листья висели тяжело, однообразно и тускло-зелёные, а теперь первые морозные ночи сделали их сухими, пёстрыми и неожиданно прекрасными.

Легко и быстро шагая по площади, миссис Минивер вдруг поняла, почему сорок с лишним лет нравятся ей гораздо больше, чем тридцать с лишним. Это была разница между августом и октябрём. Между тяжестью позднего лета и прозрачной свежестью ранней осени. Между завершением одного периода жизни и началом другого. Она подошла к двери. Ключ мягко повернулся в замке. Вот что на самом деле запоминаешь в доме: не размеры комнат и не цвет стен, а прикосновение дверных ручек и выключателей, форму и поверхность перил под ладонью — крошечные, почти осязаемые подробности близости, возвращение которых и означает, что ты наконец дома. Наверху, в гостиной, весело потрескивал небольшой огонь из поленьев, хотя солнечный свет, льющийся через открытые окна, был ещё по-настоящему тёплым.

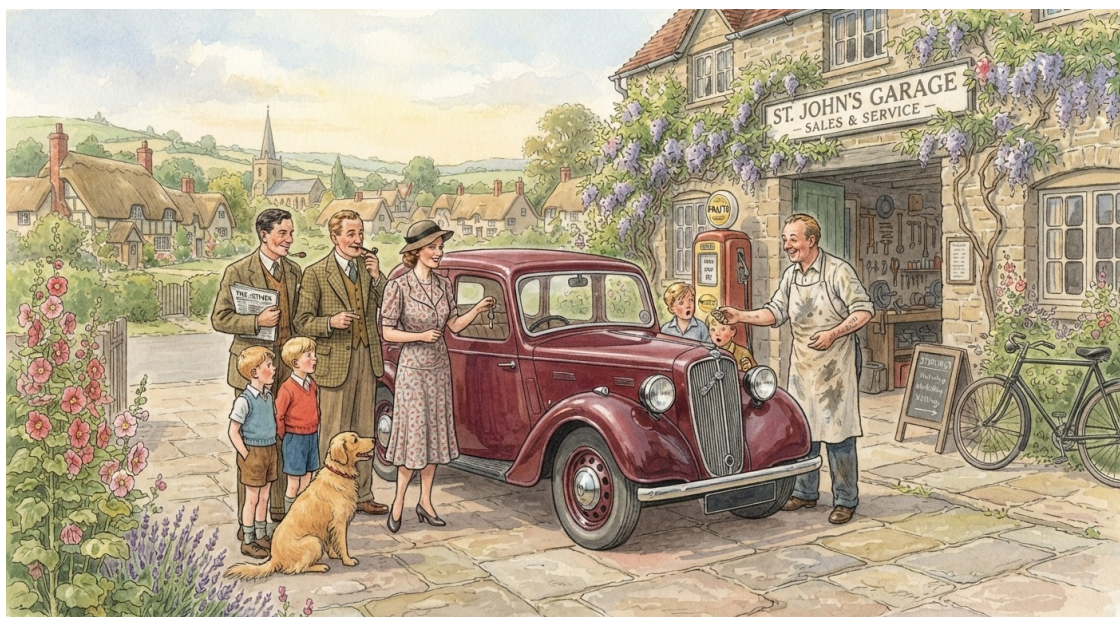
Всё было идеально. Она словно зависла между летом и зимой, наслаждаясь лучшим, что было в каждом из них. Миссис Минивер развернула хризантемы и поставила их в квадратную стеклянную вазу между собой и окном, так, чтобы солнечные лучи проходили сквозь цветы. Это были огромные, пышные хризантемы винного цвета, с загнутыми лепестками. В их красоте было что-то величественное, почти архитектурное. А запах... Она наклонилась и уткнулась носом в ближайший цветок. Этот запах был словно квинтэссенцией её нынешнего настроения, чистейшим экстрактом всего, что казалось ей сейчас бодрящим, радостным и немного терпким: погоды, обстоятельств, собственного возраста и времени года. Да. Октябрь определённо подходил ей больше всего.

У древних, как ей неизбежно пришлось выучить ещё в школе, октябрь был восьмым месяцем года. Теперь официально он считался десятым. Но для неё он всегда оставался первым. Настоящим Новым годом. А вся эта утомительная январская церемония была всего лишь названием. Наконец она отошла от окна. На письменном столе лежали письма, пришедшие утром: приглашение на показ платьев; приглашение Клему на охоту; два приглашения на обед; три — на херес; чрезвычайно соблазнительное объявление о нескольких концертах камерной музыки; и письмо от Вина из школы — не пришлёт ли мама его зонтик, фотоаппарат и перьевую ручку, которая к тому же немного протекает? Но сегодня даже это не могло испортить ей настроение.

Она слегка поправила поленья в камине — главным образом ради удовольствия подержать в руках рифлёную стальную кочергу — и села возле огня. Чай уже был накрыт. Бутерброды с мёдом, хрустящее имбирное печенье и маленькие миндальные бисквиты. И ещё, она знала, обязательно принесут горячие поджаренные лепёшки. На скамеечке у камина лежали три новые библиотечные книги, девственно нетронутые, их яркие бумажные обложки ещё не успели запачкаться от прикосновений читателей. Часы на каминной полке очень тихо и точно пробили пять. С реки донёсся гудок буксира. Внезапный порыв ветра принёс через открытое окно резковатый запах горящих осенних листьев. Картинка почти сложилась. Не хватало только одного кусочка.

И тут с другого конца площади донеслась знакомая музыка уличной шарманки, которая каждую среду играла «Голубой Дунай», щедро расцвечивая вальс сотней никогда не существовавших в нём трелей и арпеджио. Миссис Минивер тихонько вздохнула от удовольствия и позвонила, чтобы подавали чай.

НОВАЯ МАШИНА

Однажды утром миссис Минивер проснулась с ощущением надвигающейся беды — с твёрдым знанием, что сегодняшний день таит в себе нечто такое, чего следует опасаться. Это не было тяжёлым, подавляющим чувством — таким, какое возникает перед операцией или когда провожаешь лучшего друга, уезжающего жить в Тасманию. Но и пустяком вроде заседания какого-нибудь комитета или визита глуховатого дядюшки к чаю это тоже не назовёшь. Скорее, беда средней весовой категории. Поначалу миссис Минивер недоумевала. Насколько она помнила, на сегодня у неё не было никаких назначенных дел — ни приятных, ни неприятных, — и уже одно это должно было радовать. Целый день, которым можешь распоряжаться совершенно свободно, на один день превращает тебя в бессмертного. Согласно китайской пословице, она должна была чувствовать себя почти божеством. Однако маленькая тупая тяжесть никуда не исчезала. Она продолжала тянуть и беспокоить.

Клем просунул голову в дверь — взъерошенный после ванны. Не впервые миссис Минивер испытала благодарность судьбе за то, что вышла замуж за мужчину, чьё лицо за прошедшие шестнадцать лет становилось скорее ироничным, чем холёным. Когда люди молоды и линии их лиц ещё только намечены лёгким карандашом, предугадать будущее бывает трудно. Эти красивые, высокие, худощавые юноши так часто к сорока пяти годам превращаются в упитанных церковных старост. Но ей повезло. А может быть, у неё просто было чутьё. Клем с возрастом выглядел ничуть не хуже. Возможно, главное — не добиться слишком большого успеха слишком рано. В эту минуту, однако, выражение его лица меньше всего можно было назвать ироничным.

— Она должна быть здесь к девяти, — возбуждённо сказал он и исчез.

И тут миссис Минивер вспомнила. Внутри у неё всё упало. Она тут же сказала себе, что расстраиваться совершенно нелепо, и попыталась убедить себя в обратном. Новая машина — это ведь повод для радости. Давно пора было её купить. Старый «Ледбеттер» дошёл до такого состояния, когда помочь ему мог только дорогостоящий капитальный ремонт. В салоне появились подозрительные запахи, откуда-то доносились таинственные шумы, сквозняки уже невозможно было победить, а Клем уставал за рулём во время дальних поездок. Неделию назад

он вернулся с автомобильной выставки и весь вечер счастливо просидел над каталогами. Тогда миссис Минивер поняла: всё решено. Её обычный довод — что новая машина им на самом деле совершенно не нужна, — на этот раз явно не выдерживал критики. Не могла она сослаться и на необходимость экономить.

Теперь они вполне могли себе это позволить. Проект Клема по строительству нового жилого района был утверждён; кроме того, ему достался загородный дом Вандерхупов — настоящий лакомый кусок. К тому же эта сцена уже много раз разыгрывалась между ними в различных вариантах, и оба прекрасно знали, что неизменное нежелание миссис Минивер менять машину объяснялось вовсе не бережливостью. Причиной была сентиментальность. Она просто не могла вынести момента, когда старую машину увозили навсегда. Миссис Минивер вообще была до смешного сентиментальна по отношению к неодушевлённым вещам. Однажды на аукционе она с неожиданным азартом начала торговаться за лот, значившийся в каталоге как: «Двенадцать кухонных стульев; а также небольшая плетёная корзинка для ножей».

Клем, прекрасно представлявший размеры их кухни, принялся отчаянно подавать ей знаки с другого конца зала. Она перестала повышать цену, и лот наконец достался кому-то другому — за сумму, превышавшую его настоящую стоимость, — к огромному облегчению и одновременно недоумению аукциониста.

— Ты просто перепутала номера лотов, правда? — спросил потом Клем.

— Нет, — виновато призналась она. — Прости. Всё из-за этой корзинки для ножей. Я вдруг подумала: как же ей, наверное, обидно, что она недостаточно важная вещь, чтобы составить отдельный лот. Просто приписали к кухонным стульям... Клем, ну подумай: «а также небольшая плетёная корзинка для ножей»...

Но автомобили занимали особое место. Где-то между мебелью и собаками. Дело было не в том, что миссис Минивер приписывала вещам человеческие чувства. Она вовсе не убеждала себя, будто у автомобилей есть душа или хотя бы разум. Хотя всякий, кому доводилось видеть, насколько две совершенно одинаковые серийные машины способны отличаться друг от друга, вполне мог бы заподозрить, что по крайней мере зачатки характера у них имеются. Нет. Дело было просто в декорациях жизни. В наши дни автомобиль становился настолько неотъемлемой её частью, сопровождал столько мыслей, чувств, разговоров и решений звуками и картинками за окном, что приобретал почти такой же статус, как одна из комнат собственного дома. Расстаться с ним, несмотря на все его недостатки, означало потерять знакомую часть окружающего мира.

Она поднялась и открыла воду в ванной. Даже сквозь её шум миссис Минивер услышала, как старый «Ледбеттер» въезжает на площадь: каждое утро незадолго до девяти служащий гаража подгонял его к дому. Она прислушалась к переключению передачи, когда машина прибавила скорость после поворота, потом — к визгу тормозов, затихшему мотору, хлопнувшей дверце и удаляющимся шагам водителя. До чего же нелепо так переживать, подумала она и, словно это могло помочь от горя, щедрее обычного сыпнула в ванну ароматной соли. Почти сразу послышался звук подъезжающей машины. Ровное, мощное мурлыканье двигателя. Сдержанный звук открывшейся и мягко закрывшейся тяжёлой, прекрасно подогнанной дверцы. Затем голос Клема на площади и радостный топот Джуди по тротуару.

Это было невыносимо. Старых лошадей хотя бы отправляли доживать свой век на пастбище, где их время от времени можно было навещать. Иногда им даже позволяли таскать газонкосилку, надев на ноги специальные кожаные башмаки. Но вся эта система обмена старой машины на новую... Джуди вихрем взлетела по лестнице и забарабанила в дверь, захлёбываясь от восторга:

— Мамочка! Новая машина приехала!

— Как чудесно! — отозвалась миссис Минивер.

— А я помогала папе вытаскивать карты и всякие вещи из старой, прежде чем её увезут!

Господи, до чего же безжалостно дети умеют расставлять все точки над «і»!

— Беги, милая, — крикнула миссис Минивер. — Я скоро спущусь.

Она снова до отказа открыла оба крана, густо намылила уши и принялась громко петь.

ДЕНЬ ГАЯ ФОКСА

Зимой они нечасто возили детей в Старлингс — во всяком случае, до рождественских каникул. Когда дни становились короткими, ехать туда всего на выходные почти не имело смысла. Исключение, однако, делали ради Дня Гая Фокса: этот добрый и предусмотрительный человек устроил своё преступление как раз к осенним школьным каникулам — или, по крайней мере, настолько близко к ним, что разницей можно было пренебречь. Семейство Минивер питало настоящую страсть к фейерверкам. А устраивать фейерверк в маленьком лондонском садике — занятие жалкое и беспомощное: на каждом шагу приходится считаться с соседями, полицией и хрупкостью оконных стёкол и кровельной черепицы. Поэтому в субботу утром они заехали за Вином в Итон и отправились через всю округу в Старлингс. Миссис Минивер с облегчением обнаружила, что обучение в престижной школе ещё не сделало его слишком важным для дорожных игр с двумя младшими детьми. В этом он был похож на отца: возраст для него словно не существовал — ни собственный, ни чужой.

Джуди была совсем другой. Теперь она была девятилетней до мозга костей — точно так же, как когда-то была совершенно шестилетней, а ещё раньше — совершенно трёхлетней. Возраст представлялся ей качеством чрезвычайно важным и увлекательным. В обществе других детей она не могла чувствовать себя вполне спокойно, пока не выясняла, сколько им лет. Что же касается Тоби, то он в этом, как и во многих других отношениях, оставался непостижимой загадкой. В детстве темнота всегда наступает слишком рано. Кроме тех случаев, когда предстоит запустить фейерверки. Тогда солнце невыносимо медлит на пороге, точно засидевшийся гость.

В тот день на небе не было ни облачка, и даже после захода солнца западный край небосклона упрямо сохранял жемчужно-серое сияние. Вину было ещё не так плохо: он помогал отцу прикреплять к забору огненные колёса и устанавливать на газоне бутылки с ракетами. Но Джуди и Тоби, прижавшись носами к оконному стеклу, уже изнывали от нетерпения, когда Клем наконец постановил, что темнота официально наступила и представление можно начинать. Закутавшись в пальто и шарфы, они вышли и уселись рядком на небольшой каменной террасе. Казалось, вечер был специально заказан для фейерверка: холодный, тихий, звёздный — и, что особенно похвально, совершенно безлунный. Когда взвилась первая ракета, миссис Минивер почувствовала знакомое щекотание в горле и поняла: волшебство снова подействует. Некоторыми вещами — фокусниками, чревоушителями, пантомимами — она наслаждалась как бы через детей, наблюдая за их восторгом.

Но фейерверки обладали для неё собственной, непосредственной магией. Их очарование было сложнее, чем у любого другого искусства. В них были рисунок и последовательность, цвет и звук, сияние и движение; ожидание, неожиданность и лёгкий привкус опасности. А главное — им была присуща высшая драгоценность: мимолётность. Именно она придаёт красоте особую остроту и затрагивает в сердце такую струну, которой не способны коснуться вещи более долговечные. Фейерверк и в самом деле оказался лучшим из всех, какие они когда-либо устраивали.

Сама миссис Минивер, покупая пиротехнику, легко попадала под власть причудливых названий. Она непременно заказывала «Жужжащих пауков», «Ведьмины котлы», «Мины со змеями», «Букеты снопов» и «Чертей среди портных» — главным образом потому, что ей хотелось узнать, как всё это выглядит. Но Клем знал: с фейерверками, как и с коктейлями, самые простые и знакомые названия обычно дают наиболее интересный результат. Он потратил некоторую сумму на римские свечи, огненные колёса и турбийоны, но основную ставку совершенно правильно сделал на ракеты. Вот одна из них разорвалась в небе, превратившись в нежное созвездие разноцветных звёзд, которые медленно опускались и долго мерцали в непо-

движном воздухе. Глядя на них, миссис Минивер подумала, что из всех искусств именно это демонстрирует самый поразительный контраст между исходным материалом и законченным произведением. Слова, краски, музыкальные звуки — даже сами по себе они обладают определённой красотой.

В глыбе мрамора ещё можно представить будущую статую. Камень, кирпич и бетон — материалы Клема — тоже не кажутся чем-то бесконечно далёким от домов, которые из них возникают. Но эта огненная архитектура, эти обрывки светящейся музыки, эти яркие, прозрачные, мгновенно исчезающие картины в небе... Какое отношение имеют они к селитре, сере и древесному углю, к проклеенной бумаге, хлопковому фитилю и горстке минеральных солей? Представление подходило к концу. Вин и отец запускали последние ракеты. Их лица, время от времени озаряемые вспышками, были сосредоточенными, торжествующими и спокойными. Джуди дрожала от холода и возбуждения. Тоби сидел совершенно неподвижно, вытянув ноги перед собой, — то ли от глубокого потрясения, то ли потому, что на него надели слишком много одежды, понять было невозможно.

А миссис Минивер тем временем состязалась со временем. Весь вечер её преследовали какие-то полузабытые слова. Строка из стихотворения? Старинное изречение? Что-то о сиянии. Что-то удивительно подходящее к этой минуте. «Сияние...» Что же там было дальше? Ритм фразы она чувствовала, но сами слова ускользали. И она почему-то знала: вспомнить их нужно непременно до того, как закончится фейерверк. Иначе будет поздно. Последняя ракета взвилась в небо. Она была по-настоящему огромной — почти безрассудная расточительность. С шипением, похожим на взлёт дракона, ракета понеслась вверх, поднялась вдвое выше всех предыдущих — и в тот самый миг, когда она разорвалась, миссис Минивер вспомнила. «Сияние падает с небес...»

Вот оно. Искры медленно хлынули вниз золотым водопадом, одна за другой исчезая в озере темноты.

Красота — всего лишь цветок,
И морщины её поглотят;
Сияние падает с небес;
Королевы умирали молодыми и прекрасными;
Прах закрыл глаза Елены...

Вообще-то эти строки совершенно сюда не относились. Это был плач Нэша во время чумы — какое отношение он имел к фейерверкам? И всё-таки миссис Минивер знала: именно этих слов ей не хватало, чтобы завершить картину и навсегда сохранить её в памяти. Только слова способны поймать настроение в свои сети. Только они дают нам надёжное оружие против забвения.

НАКАНУНЕ ОХОТЫ

Каждый год, без единого исключения, миссис Минивер получала приглашение, написанное наклонным викторианским почерком на необычайно плотной кремовой бумаге. В правом верхнем углу тяжёлым чёрным готическим шрифтом был вытиснен адрес: «Червил-Корт, Крэмpton». Слева помещались три крошечных стилизованных рисунка — телеграфный столб, старинный телефон и паровоз времён Стефенсона, приземистый, с высокой трубой. Под ними соответственно значилось:

«Грейт-Йеттингфорд»,
«Бантесли, 3»,
«Слейп-Джанкшен».

Письмо неизменно начиналось одной и той же формулой старой леди Червил: Дорогая миссис Минивер! Мы с Червилем будем чрезвычайно рады, если Вы и Ваш супруг погостите у нас с пятницы, 19 ноября, до понедельника, 22-го.

(Она скорее согласилась бы взойти на гильотину, чем употребить выражение «уик-энд».) Миссис Минивер перебрала письмо Клему. Тот заметил, что теперь где-нибудь поблизости наверняка уже имеется аэродром, и дорисовал под остальными картинками маленький довоенный биплан — одномоторный, с неправдоподобно короткими крыльями, — а рядом написал: «Маркет-Бамблтон». Обсуждать, принимать ли приглашение, не было никакой необходимости. В Червил-Корт они ездили всегда. Охота там была превосходная, еда — выше всяких похвал, а кроме того, приятно было ненадолго замедлить собственную жизнь до темпа старомодного ритуала и провести три дня словно в кавычках.

— И каково же, — произнёс полковник, поворачиваясь за ужином к миссис Минивер, — ваше мнение?..

Она боялась этого вопроса с того самого момента, когда ещё за волованом женщина в платье совершенно неподходящего оттенка зелёного, услышав вопрос, собирается ли она завтра выйти вместе со стрелками, закрыла глаза и едва заметно содрогнулась. Этим она немедленно втянула всех сидевших поблизости в спор, который в данной компании неизбежно должен был оказаться и скучным, и бесплодным. Скучным — потому что обе стороны располагали исключительно запасом избитых фраз. Бесплодным — потому что с самого начала было ясно: ни одна из сторон не сдвинется со своей позиции ни на дюйм. И потом — ну что за тему она выбрала для охотничьего дома! С таким же успехом можно было встать посреди банкета лорд-мэра и произнести страстную речь в защиту вегетарианства. Если уж ваши убеждения настолько сильны, единственный разумный выход — заболеть гриппом и вовсе не приезжать. Спор бушевал — если столь затасканная дискуссия вообще способна бушевать — на протяжении перепёлки, мороженого-пудинга и грибов на тостах.

В ушах миссис Минивер звенела привычная мелочь истёртых аргументов:

— В конце концов, у птиц тоже есть шанс...
— Животные, может быть, и не обладают душой, но всё-таки...
— А возьмите охоту...
— Ну, коррида — это совсем другое дело...

Курсив порождал курсив. Проглоченные окончания сыпались, словно конфетти. Рано или поздно волна спора непременно должна была докатиться до её конца стола, но миссис Минивер твёрдо решила не позволить втянуть себя. Она слышала всё это слишком много раз. Даже в обществе, где можно было говорить совершенно свободно, тема успела настолько истрепаться, что стала невыносимой. Собственную позицию миссис Минивер считала не слишком этичной, зато честной. Она просто не была особенно чувствительна к подобным вещам — чистая случайность. Ей нравилось наблюдать любое проявление мастерства. Нравились голые

зимние деревья, покрытые инеем пастбища, облачка дыхания на морозе, запах опавшей листвы и тончайший узор зимних живых изгородей. Но больше всего ей нравился тот элемент лесного искусства, ощущение игры «в индейцев», которого не способны дать обычные игры и которое противники охоты, стрельбы и рыбалки так часто принимают за кровожадность.

Она признавала, что любая стрельба по живым существам жестока. И что всякая жестокость дурна. Но ей казалось, что пытаться уничтожить спортивную охоту прежде, чем человечество уничтожило войну, — всё равно что аккуратно смахивать крошечное пятнышко грязи с вершины навозной кучи. На некоторое время разговоры по обе стороны от неё потекли в других направлениях, оставив миссис Минивер на благословенном маленьком островке покоя и тишины. Она успела полюбоваться геральдической красотой ананаса — к этому времени уже подали десерт, — поразмышлять о личной жизни второго лакея — у него было задумчивое, загадочное лицо, и он наверняка читал философские книги, — а заодно отметить, насколько немзыкально звучит целая стая возбуждённых голосов английского высшего общества.

Однако леди Червил была внимательной и любящей порядок хозяйкой старой школы. Званный ужин она воспринимала как кадрили и терпеть не могла, когда среди гостей возникали отдельные островки. Одним искусным словесным движением она снова переставила сбившихся с шага танцоров.

— И каково же, — спросил полковник, повернувшись к миссис Минивер, — ваше мнение обо всех этих кровавых видах спорта?

— Я считаю их неоправданными, но неотразимыми, — ответила она.

Многолетний опыт подсказал миссис Минивер, что эта фраза обычно очень быстро прекращает разговор. После неё действительно почти нечего было добавить. К тому же она именно так и думала.

— Ха! — произнёс полковник.

Миссис Минивер с восторгом отметила, что он действительно сказал «Ха!» Ценное пополнение её коллекции. Недавно ей уже удалось заполучить одно «Гм!» и целых два «Фью!», но настоящего «Пф!» она всё ещё ждала напрасно.

— Скажите, — спросила она, — вы случайно не служили в Сингапуре вместе с одним моим дядюшкой — Торквиллом Пигготтом?

— Пигги! — воскликнул полковник и благодарно просиял.

И тут же погрузился в воспоминания. Слава богу, что существуют полковники, подумала миссис Минивер. Милые создания. Их так легко развлечь, так легко отвлечь от бессмысленного спора и направить в спокойное русло монолога. В целом мире не было ничего более умиротворяющего, чем хороший английский полковник. Она водрузила улыбку на лицо, словно флаг на мачту, и снова занялась ананасом и вторым лакеем. Клем поймал её взгляд через стол. Иногда миссис Минивер казалось, что самое важное в браке — вовсе не общий дом, не дети и даже не средство против греха. А просто то, что рядом всегда есть взгляд, который можно поймать.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОКУПКИ

Одно из малых искусств жизни, думала миссис Минивер под конец долгого дня рождественских покупок, — умение экономить силы при обращении с качающимися дверями. Если запастись терпением и правильно выбрать момент, тратить на них собственные силы почти никогда не приходится. Почти всегда можно пристроиться следом за каким-нибудь решительным человеком, который уже толкнул дверь за вас; а если вы опоздали и дверь успела качнуться обратно навстречу, стоит лишь секунду подождать, пока она снова не пойдёт от вас, — и тогда достаточно легонько подтолкнуть её. Казалось бы, вещь совершенно очевидная. Однако поразительное число людей словно находило удовольствие в том, чтобы неизменно выбирать путь наибольшего сопротивления: они бросались всем телом на летящую им навстречу дверь и грубой силой заставляли её двигаться в обратную сторону, будто в этом заключалась какая-то особая добродетель.

Должно быть, подумала миссис Минивер, жизнь у таких людей чрезвычайно утомительная. Ловко пристроившись в кильватер широкой, короткошеей женщины в твидовом костюме, она выскользнула из магазина. Дул промозглый ветер. Начинался дождь со снегом, размывавший свет фонарей. Тротуары блестели, гладкие, словно шкура тюленя. Вечер явно собирался стать одним из тех отвратительных, мокрых лондонских вечеров, по которым человек, оказавшийся вдали от Лондона, способен тосковать с совершенно невыносимой силой. Она свалила все свёртки на заднее сиденье машины, счастливая и измученная скользнула за руль и отправилась домой. Двойной стеклоочиститель дружелюбно помахивал перед ней, снова и снова произнося одно и то же тихое, заискивающее слово, которое ей никак не удавалось разобрать.

Два слога. Что-то вроде: «Прими... прими...» Или: «Отдай... отдай...» Во всяком случае, она радовалась тому, что теперь у них был стеклоочиститель, работавший с постоянной скоростью. На старой машине стоял один из тех, что приводились в действие от двигателя: весёлый и разговорчивый, пока машина стояла на месте, но угрюмый и ленивый, стоило тронуться с места, когда его помощь становилась действительно необходима. Совсем как худший тип человеческого характера. Миссис Минивер почувствовала лёгкий укол совести. Впервые она поймала себя на том, что сравнила любимую старую машину с новой узурпаторшей — и сравнение оказалось не в пользу старой. Добраться домой, судя по всему, удастся нескоро. Обычный шестичасовой поток возвращавшихся с работы людей теперь разлился настоящим рождественским половодьем, а Оксфорд-стрит превратилась в одну сплошную пробку. Сидя в машине и ожидая смены сигнала светофора, миссис Минивер вынуждена была признать: виновата она сама.

Каждый год происходило одно и то же. В начале ноября она твёрдо решала, что уж в этот-то раз непременно купит все рождественские подарки заранее. Она даже составляла список. И на этом дело благополучно замирало на несколько недель. Время от времени миссис Минивер пыталась убедить себя, будто Рождество приходится на пятое декабря. Или, как вариант, будто все её друзья и родственники живут в Южной Африке и подарки необходимо успеть отправить ближайшей почтой. Но ничего не помогало. Ощущение нехватки времени невозможно вызвать искусственно — точно так же, как невозможно искусственно вызвать ощущение нехватки денег. Богатый молодой человек, решивший заработать себе на кругосветное путешествие собственным трудом, может приобрести в дороге множество полезных впечатлений.

Но опыт настоящей бедности в их число не войдёт. Он ведь знает: случись крайняя необходимость — всегда можно телеграфировать домой и попросить денег. А миссис Минивер прекрасно знала, что Рождество наступит только двадцать пятого декабря и что все люди из её списка живут в Англии. Стеклоочиститель продолжал мерно раскачиваться. «Си-грин... си-грин...» Может быть, так? Кажется, уже ближе. Кроме того, удачный выбор подарков в огром-

ной степени зависит от подходящей атмосферы. От заразительного возбуждения толпы. От внезапных озарений и находок, которые становятся только ярче благодаря лёгкому ощущению, что тебя одновременно поджигают и пространство, и время. Покупать подарки хладнокровно, в полупустом магазине, без всяких трудностей и соперничества — занятие такое же безрадостное, как брак по расчёту. Так что, утешила себя миссис Минивер, возможно, даже хорошо, что она, как всегда, отложила всё до середины декабря.

Стеклоочиститель продолжал своё: «Уи-фри... уи-фри...» Теплее. Она всё-таки разгадает его. Сигнал светофора сменился. Миссис Минивер включила первую передачу, немного выждала и отпустила сцепление. И тут ей пришло в голову, что автоматическими стали не только физические реакции людей на эти три цвета. Такими же автоматическими сделались и реакции душевные. Красный, жёлтый, зелёный. Раздражение, надежда, радость. Совершенно новый условный рефлекс. Пройдёт ещё несколько лет, он окончательно укоренится — и психиатры начнут лечить меланхолию цветными лучами, показывая их пациентам именно в этой последовательности. А у будущих поколений зелёный цвет будет ассоциироваться уже не с завистью, а со свободой. Вот так случайно рождаются и перерождаются символы. На следующем перекрёстке снова загорелся красный. Раздражение. И всё-таки его почему-то принимали без возмущения — просто потому, что красный свет зажёл не человек. На полицейского можно сердиться. Но попробуйте рассердиться на жестяной цветок.

То же самое произошло с автоматическими телефонами. С тех пор как появились аппараты с дисковым набором номера, общее количество раздражения, производимого человечеством, должно быть, сократилось вдвое. До сих пор миссис Минивер как-то не приходило в голову, что это довольно веский довод в пользу механизации жизни. Наконец она добралась домой. Клем уже был там и сидел перед камином, вытянув ноги к огню. Увидев жену, увешанную свёртками, он спросил:

— Удачно?

— Послушай, — сказала миссис Минивер. — Этот стеклоочиститель... Кажется, я наконец поняла, что он говорит. «Биф-ти... Биф-ти...» — «Мясной бульон».

— Боже мой, — сказал Клем. — А ведь ты права.

ТРИ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ЧУЛКА

Сколько бы заранее ни ворчали по этому поводу, как бы ни ненавидели все эти приготовления, упаковку подарков и необходимость заказывать еду на несколько дней вперёд, — когда Рождество наконец наступало, оно неизменно оказывалось весёлым. Каждый год всё начиналось одинаково. Ручка двери спальни поворачивалась достаточно громко, чтобы разбудить миссис Минивер, но достаточно тихо, чтобы нельзя было утверждать, будто её разбудили нарочно. В тёмном дверном проёме, словно мотылёк, возникал Тоби. В одной руке он держал бугристый от подарков рождественский чулок, а другой придерживал сползающие пижамные штаны. Он упорно требовал, чтобы ему давали спать именно в пижаме, хотя фигурой всё ещё гораздо больше подходил для цельного детского спального костюмчика.

— Тоби! Сейчас только-только шесть. Я ведь сказала — не раньше семи.

— Но, мамочка, я же не умею определять время.

Он стоял босиком, дрожал от холода, а глаза сияли, как звёзды.

— Ну иди сюда, грейся, козлёнок.

В одно мгновение он оказался у неё в постели — вместе с чулком. Хвост заводной собачки тут же оцарапал ей плечо. Через несколько минут из-за двери показалась ещё одна голова — немного выше первой.

— Джуди, милая, ну правда же ещё слишком рано.

— Я знаю. Но я услышала, как пришёл Тоби, и поняла, что ты уже не спишь.

— Ладно, забирайся. Только некоторое время ведай себя тихо. Папа ещё спит.

А затем появилась третья голова — ещё выше. И раздался голос Вина, ставший ещё басовитее со времени прошлых больших каникул:

— Послушайте, остальные здесь? Мне показалось, я их слышал.

Он свернулся клубком в ногах на кровати отца. К этому времени, разумеется, проснулся и Клем. Старый, совершенно прозрачный трюк снова сработал безупречно. Оставалось только включить свет, закрыть окна и признать: Рождество исподволь, но совершенно определённо началось. Три правые руки — широкая и сильная рука Вина, тонкая и гибкая Джуди и всё ещё похожая на морскую звезду ладошка Тоби — снова и снова ныряли в три растянувшихся чулка. Пока на самом дне каждого не остался только освящённый временем мандарин. Удивительно, что эта традиция сохранялась даже теперь, когда дети круглый год не испытывали недостатка во фруктах. Способы расправляться с подарками у них различались так же сильно, как их руки.

Вин, время от времени издавая одобрительное ворчание, внимательно рассматривал каждую вещь, которую доставал из чулка. Он изучал все её возможности и только после этого переходил к следующей. Джуди, не переставая разговаривать, одним махом вытряхнула свои сокровища в кучу, быстро окинула их взглядом и тут же схватила то, что понравилось больше всего, — крошечную темнокожую куколку-младенца в плетёной колыбельке. Тоби тоже вытащил всё сразу. Но затем аккуратно разложил подарки узором на пуховом одеяле и долго смотрел на них в полном молчании. Наконец он выбрал один — большой стеклянный шарик с цветными завитками внутри — и положил его отдельно, чуть поодаль. После этого принялся играть с остальными игрушками, вполне ими довольный.

Но время от времени его глаза возвращались к стеклянному шарiku — словно Тоби хотел убедиться, что тот по-прежнему ждёт его. Миссис Минивер наблюдала за сыном одновременно с восторгом и тревогой. Это был и её собственный любимый способ обращаться с жизнью: самое прекрасное оставить напоследок. Беда только в том, что иногда шарик успевает укатиться. Способ Джуди был безопаснее. А способ Вина — пожалуй, мудрее обоих. Внизу их ожидал настоящий пир подарков, накрытый красно-белым покрывалом. По сравнению с ним

содержимое чулков было, конечно, всего лишь аперитивом. И всё-таки эти маленькие подарки обладали своим особым, волнующим очарованием.

Возможно, дело было в обстановке, в которой их открывали: холод раннего утра, чёрные оконные стёкла, непривычный час. Возможно — в могущественном очаровании миниатюрности: игрушечные игрушки, малость, возведённая в квадрат. А может быть, в самой строгости формы, в ограниченном пространстве рождественского чулка, которое доставляет и тому, кто его наполняет, и тому, кто опустошает, примерно такое же удовольствие, какое строгая форма сонета приносит поэту и читателю. А возможно, просто продолжало действовать волшебство старой легенды — хотя для всех находившихся в комнате, кроме Тоби, сама легенда уже утратила силу. Были здесь и другие, перекрещивающиеся течения радости. Улыбка, которой обменивались миссис Минивер и Вин, глядя на двух младших детей.

Она сама была старшим ребёнком в семье и вдруг вспомнила то ни с чем не сравнимое чувство собственного величия, которое дарит ребёнку такой заговорщицкий взгляд взрослого. Были взгляды, которыми обменивались она и Клем, — потому что оба были взрослыми. Она и Джуди — потому что обе принадлежали к женской половине человечества. Она и Тоби — потому что оба относились к тем людям, которые оставляют стеклянный шарик напоследок. Вся комната была оплетена невидимой сетью нежного взаимопонимания. Вот один из тех мгновений, подумала миссис Минивер, которые одним махом покрывают весь накопившийся дебет родительства. Утренняя тошнота и совершенно невероятная боль. Детская коляска в коридоре и холодный, упрямый блеск в глазах кухарки.

Няня на время каникул, служившая, разумеется, «в самых лучших семьях». Резко пахнущие белые мыши. Высохшие гусеницы. Пластилин на дверных ручках. Мокрые мочалки в ванной. Безымянные ужасы, обнаруживаемые в щелях кресел. Тревоги и чрезвычайные происшествия. Проглоченная пуговица. Необъяснимая боль в ухе. Зловещая сыпь, непременно появляющаяся накануне поездки. Школьные счета. Счета дантиста. Необходимость идти медленнее. Умерять собственный темп. Эмоциональные компромиссы. Разделённая преданность. И приключения, от которых снова и снова приходится отказываться. И вот теперь Вин ел свой мандарин, дольку за долькой. Джуди уже раздела свою маленькую куколку и теперь снова натягивала на неё платице — задом наперёд. Тоби медленно поворачивал стеклянный шарик перед светом, пытаясь сосчитать цветные завитки внутри.

В доме уже слышалось движение. А значит, приближалось благословенное позвякивание посуды с ранним утренним чаем. Миссис Минивер посмотрела на окно. Тёмное небо уже начало понемногу светлеть в рамке вишнёво-розового ситца. Вечность в рамке домашней жизни. Ну и пусть. В конце концов, чтобы увидеть вечность, её приходится во что-нибудь обрамить.

НОВЫЙ ЕЖЕДНЕВНИК

Двенадцатая ночь миновала; рождественские украшения сняли, и само Рождество — а крайности, как известно, быстро выходят из моды — теперь казалось таким же старомодным, как шляпа на фотографии в паспорте. А миссис Минивер всё ещё не купила себе новый ежедневник и продолжала кое-как записывать дела на форзаце старого. Как обычно, она собиралась купить его ещё до отъезда из Лондона в Старлингс. И, как обычно, времени не хватило. Миссис Минивер прекрасно знала: такие вещи ни в коем случае нельзя покупать вторых. Ежедневник — важнейший представитель целого семейства маленьких спутников нашей жизни, тех скромных домашних вещей, которые год за годом бегут рядом с нами. На первый взгляд они ничтожны, но становятся чрезвычайно важными именно благодаря своей пугающей близости.

Губка. Расчёска. Зубная щётка. Футляр для очков. Перьевая ручка. Вот вещи, которые нужно выбирать с величайшей осторожностью. Со временем они настолько срастаются с человеком, что их уже почти невозможно считать неодушевлёнными. Бесчувственными — да. Но ведь наши волосы и ногти тоже бесчувственны. Некоторые из этих вещей, если они разонравились, можно кому-нибудь отдать. С другими остаётся только одно средство — уничтожение. Однако история ещё не знала человека, который, будь он хоть сказочно богат, обладал бы достаточной силой воли, чтобы бросить в огонь почти новую губку. И приходится покорно терпеть её неудобную форму, отвратительную поверхность и то идиотское лицо, которое вдруг проступает в её очертаниях, если слегка её сжать.

Рано или поздно, слава богу, она изнашивается. А если повезёт, её можно случайно забыть в гостинице. Но с ежедневником, которым уже начали пользоваться, всё гораздо хуже. Отдать его невозможно. Потерять — катастрофа. А выбросить и начать новый означает мучительно переписывать туда все уже сделанные записи. Если, конечно, вы не готовы оставить первые страницы нового ежедневника пустыми и тем самым внушить своим будущим биографам — если таковые вообще появятся, — что в начале года вы долго страдали проказой. Или чем-нибудь похуже. Поэтому лишь в середине января миссис Минивер, приехавшая из Старлингса в Лондон на один день ради визита к дантисту, наконец оказалась в магазине канцелярских принадлежностей и располагала достаточным временем, чтобы отнестись к делу с той серьёзностью, которой оно заслуживало. Она остановилась перед полкой с надписью «Ежедневники» и приготовилась получать удовольствие.

Первый попавшийся ей в руки был переплетён алым сафьяном. Очень даже неплохо. Но внутри обнаружилось одно из тех противоестественных устройств, где на одном развороте умещаются сразу две недели. Две недели, всегда считала миссис Минивер, — совершенно нелепая единица времени, не имеющая отношения ни к устройству мира, созданному Богом, ни к распорядку, придуманному человеком. По-настоящему важная единица — день. Хотя бы потому, что один день отделён от другого удивительным явлением: человек теряет сознание, а потом снова его обретает. До чего же люди отважны и доверчивы, если каждую ночь решаются уснуть! Но одна страница на один день тоже не годилась. Для ежедневника — слишком много. Для настоящего дневника — слишком мало.

Вот неделя — совсем другое дело. Удобный, обозримый кусок времени с началом, серединой и концом. При желании в нём найдётся отдельное место для каждого из семи чудес света, семи доблестных рыцарей христианства, семи смертных грехов или семи цветов радуги. Понедельник, кстати, совершенно определённо был жёлтым. Четверг — тусклым индиго. Пятница — фиолетовой. Относительно остальных дней недели столь твёрдых убеждений у миссис Минивер не было. Ежедневников нужного типа — неделя на разворот — осталось всего три. Вот что бывает, когда откладываешь покупку до середины января. Один был в малино-

вом кождаменителе. Другой — в коричневой телячьей коже. Третий — в зелёной ящерицной. Кождаменитель она отвергла сразу.

Однажды в приступе послерожественской экономии миссис Минивер уже купила очень дешёвый ежедневник, и он раздражал её все двенадцать месяцев. Что бы она туда ни записывала, всё немедленно приобретало какой-то убогий вид. Зелёный ежедневник из кожи ящерицы, напротив, стоил семь шиллингов и шесть пенсов. Совершенно безумная цена. Поэтому она выбрала коричневый, из телячьей кожи, за три шиллинга девять пенсов. Гладкая, приятная маленькая книжка. Честный и надёжный спутник в годовом походе. Он хорошо выдержит время. И уж его-то, знала миссис Минивер, она просто не сможет невзлюбить. Она расплатилась, положила покупку в сумочку, вышла из магазина и села в автобус номер одиннадцать. На поезд до Старлингса она успевала с запасом в двадцать минут.

На полпути по Пимлико-роуд миссис Минивер внезапно нажала кнопку звонка и выскочила из автобуса.

— Кое-что забыла, — с виноватой улыбкой объяснила она кондуктору.

Другого автобуса поблизости не было, поэтому назад к Слоун-сквер пришлось идти так быстро, как только возможно. В эту самую минуту зелёный ежедневник из кожи ящерицы, возможно, уже покупал кто-нибудь другой. Какой-нибудь совершенно неподходящий человек. Тот, кому просто понадобился ежедневник и кто решил купить первый попавшийся. Какая-нибудь богатая, серьёзная дама, которая заполнит его заседаниями комитетов. Или деловой человек, который даже не взглянет на переплёт, открывая книжку, чтобы небрежно записать: «Ужин с Джорджем». А она сама будет целый год заключать все свои самые дорогие занятия в унылую коричневую телячью кожу и каждый раз с мучительным сожалением вспоминать зелёную ящерицу.

Но ежедневник был ещё там. Миссис Минивер выложила дополнительные три шиллинга девять пенсов и унесла его, сияя от счастья. В конце концов, разница составляла лишь немногим больше стоимости поездки на такси. Правда, после этого ей пришлось ещё и взять такси до Чаринг-Кросс. В поезде она достала маленькую блестящую зелёную книжечку и по памяти внесла в неё немногочисленные и незамысловатые дела, которыми успел наполниться начавшийся год: «Встретить Клема — 2.27». «Ловить жуку с Вином». «Обед у Баклендов». «Бриджит на выходные». Сухо. Лаконично. И всё-таки первые дни года, как и любые другие дни человеческой жизни, уже были до краёв наполнены чувствами, мыслями и открытиями. Так будет продолжаться до тех пор, пока ежедневник не заполнится целиком.

Получится своего рода скелетная карта года. Посторонний человек, взглянув на неё, не увидит решительно ничего из внутреннего пейзажа её жизни. Но сама миссис Минивер, перелистывая эти страницы через двенадцать месяцев, сможет восстановить многие — хотя и не все — подробности. Как по дороге со станции Клем рассказал ей о новой работе в Глостершире. Как они с Вином увидели цаплю. Как Бакленды угощали их домашним окороком с маринованными персиками. И невероятную историю Бриджит о её кузене, трёхпенсовой монетке и глухом трубочисте.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

Последний день каникул начался с безжалостного дождя. То есть последний день в Старлингсе — именно он имел значение для Вина. Джуди одинаково любила и деревню, и Лондон, а Тоби вообще обитал в каком-то собственном мире. Но для Вина те двадцать четыре часа, которые предстояло провести в Лондоне по дороге обратно в школу, были уже чем-то вроде сумеречного существования — одной ногой в могиле. Чтобы немного скрасить этот день, всегда придумывали какое-нибудь развлечение: цирк, театр или мюзик-холл. Но даже оно, каким бы приятным ни было, приобретало в его глазах лёгкий оттенок мрачной торжественности — словно пышный пир после похорон. Не то чтобы Вин не любил школу. Просто школа, как он обнаружил, была совершенно другой жизнью, попасть в которую можно было лишь переправившись через Стикс.

На перроне ты умирал. В поезде — не без мучений — рождался заново. А на другом конце пути выходил уже совершенно другим человеком — с другим языком, другим взглядом на мир и другой системой ценностей. Вот чего никак не могли понять случайные взрослые, встречавшиеся во время каникул и неизменно задававшие один и тот же бессмысленный вопрос:

— Ну, как тебе нравится школа?

Ответить на него как следует было невозможно. Потому что тот человек, которого они об этом спрашивали, строго говоря, вообще никогда не приезжал в школу. Обратное превращение — возвращение в свою домашнюю шкуру — было совсем не болезненным, но почти столь же трудным. Хотя бы потому, что за время школы Вин всегда успевал немного из неё вырасти. И домашнюю личность, как домашнюю одежду, приходилось заново подгонять по фигуре. Иногда проходила почти неделя, прежде чем она снова начинала сидеть удобно. А к этому времени уже приближалась середина каникул — тот роковой водораздел, после которого дни вдруг начинали с бессердечной быстротой нестись под уклон. Как бы плотно дети ни набивали каждый день занятиями, как бы рано ни вставали и как бы поздно всевозможными хитростями ни ухитрялись ложиться спать, каникулы всегда оказывались слишком короткими.

Никогда не удавалось осуществить больше трёх четвертей задуманного. До некоторых проектов — например, построить домик на дереве или исследовать мельничный ручей до самого истока — руки вообще не доходили. Другие приходилось бросать на полпути. Так, в углу кладовой уже два года таился картонный замок — всё ещё без крыши, зато с вполне действующей подъёмной решёткой. И почему-то закончить подобные вещи на следующих каникулах никогда не удавалось. К тому времени обязательно появлялось какое-нибудь новое увлечение. На этих каникулах главным проектом стало превращение одной из хозяйственных построек в корабельную каюту. Там соорудили встроенные койки, набитые соломой тюфяки и рундук, доверху наполненный воображаемыми морскими картами.

Вин рисовал карты. Джуди их раскрашивала. А Тоби время от времени добавлял на них дельфинов — где придётся. Кроме того, дети построили в огороде печь для обжига кирпича и изготовили в ней не меньше дюжины вполне приличных кирпичей. Конечно, построить из двенадцати кирпичей что-нибудь существенное было невозможно. Зато теперь они испытывали приятную уверенность: случись им потерпеть кораблекрушение и оказаться на необитаемом острове, они довольно быстро сумеют возвести себе дом-другой. При условии, разумеется, что почва на острове окажется глинистой. Ещё они запрудили ручей. Потом снова его распрудили. Наблюдали, как лесорубы рубят и раскалывают молодые каштаны на колья для изгороди. Ходили смотреть на кузнеца.

На колёсного мастера. На человека, который приходил чинить крышу. Ходили пешком в Лодденден пить чай со Старой Джейн. А в тот день, когда Вин поймал леща, развели

костёр и испекли рыбу прямо в углях, завернув её в мокрую бумагу. На последний день у них было не меньше шести различных планов. Но все они требовали выйти из дома, и теперь стало совершенно ясно, что от каждого придётся отказаться. Небо было чёрным и провисшим, словно старый брезент. Большой самолёт, летевший через Ла-Манш, с трудом пробивался на юг навстречу штормовому ветру. Он шёл так низко, что казалось, едва не задевает трубы домов. Под высокой лесистой грядой, на которой стоял Старлингс, зелёно-серебристая сеть болотистой низины расплывалась за пеленой дождя.

Канавы переполнились водой. Многие пастбища уже скрылись под разливом. Очевидно, день предстояло провести дома. И поскольку он был последним, право выбирать занятие предоставляли всем по очереди — от старшего к младшему. Первым был Клем. Он выбрал дартс. Играли «По кругу», и няня, как всегда, победила. Миссис Минивер выбрала игру в слова «Letter Bags» — игру, которая относится ко всем прочим словесным играм примерно так же, как ловля нахлыстом на сухую мушку относится к леске с согнутой булавкой вместо крючка. Няня сделала самый популярный выбор: предложила сварить ириски на огне в детской. К тому времени, когда горячую массу разлили по крышкам от жестяных коробок и оставили остывать, уже был готов обед.

После обеда они ещё раз посмотрели на погоду. Безднадёжно. Ветер уже не налетал отдельными порывами — теперь он ревел непрерывно. Деревья гнулись под его напором. Газон промок насквозь. Болотистая низина совершенно исчезла за дождём. Вин выбрал шарады. Джуди сказала, что собиралась выбрать переодевание в разные костюмы. Оба развлечения объединили, и этого, разумеется, с избытком хватило до самого чая. Затем настала очередь Тоби. Но всё, чего он хотел, — причём хотел с какой-то всепоглощающей настойчивостью, — чтобы его оставили одного в углу с восемью резинками и старой рамкой для фотографии. За чаем, объяснил он, ему пришла в голову хорошая идея. Поэтому остальные устроили концерт. Клем сел за рояль.

Они пели «Кэмптаунские скачки», «Ясеновую рощу», «По пути в Рио», «Альфонсо Спагони», «Моллюски и мидии» и «Велосипед для двоих». Собирались ещё спеть «Дом, милый дом», но Вин предложил произносить английское *Home, Sweet Home* как *Hume, Sweet Hume* — будто речь идёт не о доме, а о фамилии Хьюм. Все как раз находились в том настроении, когда самая глупая шутка кажется невероятно смешной. Они расхохотались так, что петь уже никто не мог. На этом концерт закончился. Насколько они могли судить, Тоби всё это время не обращал на них ни малейшего внимания. Но когда их собственный смех наконец стих, из дальнего угла донёсся тоненький голосок, сопровождаемый каким-то беспорядочным бренчаньем. Это был Тоби.

Совершенно счастливый, он проводил пальцами по «струнам» своей великолепной новой конструкции.

— «Унесите меня до-о-мой, в старую Виргинию...» — пел он.

Дзынь!

— Вот опять крайняя резинка соскочила.

Когда двух младших наконец увели спать, Вин подошёл к окну и посмотрел на мокрый сад. Дождь наконец прекратился. По чистому, залитому лунным светом небу стремительно неслись клочья разорванных облаков. Но теперь было уже поздно. Каникулы закончились.

В ПОИСКАХ ПРИХОДЯЩЕЙ УБОРЩИЦЫ

Примерно раз в год Клем с некоторым сожалением замечал, а миссис Минивер с неохотой соглашалась, что, пожалуй, пора пригласить Лейн-Понтифексов на обед. Нельзя было сказать, что с Лейн-Понтифексами что-нибудь не так. Вполне милые, умные, порядочные люди. Она — приятной наружности. Он — прекрасно осведомлённый. И всё же по какой-то таинственной причине при мысли о встрече с ними сердце неизменно падало. Как говорил Клем, общение с ними напоминало непрерывное закрывание окон. Лейн-Понтифексы приглашали Миниверов к себе примерно раз в два месяца. Отказаться больше трёх раз подряд, не прослыв невежливыми, было невозможно. А значит, рано или поздно приходилось приглашать их в ответ. Это знакомство длилось уже почти десять лет, не становясь ни ближе, ни холоднее, и не было никаких оснований предполагать, что когда-нибудь оно закончится.

Клем называл его частью бремени белого человека. Лейн-Понтифексы в неразбавленном виде были совершенно невыносимы, поэтому их приглашение обычно использовали как повод собрать за столом столько гостей, сколько могла вместить столовая. А это означало, что на помощь с мытьём посуды нужно было позвать миссис Джекман. Утром в день званого обеда миссис Джекман прислала сообщение: прийти она всё-таки не сможет — её матери нездоровится. Миссис Минивер горячо пожалела, что недомогание матери миссис Джекман выбрало для себя именно день прибытия Лейн-Понтифексов, и отправилась искать замену. Она пересекла Кингс-роуд, свернула на Скелтон-стрит — одну из тех улиц Челси, которые американским туристам обычно не показывают, — и приблизилась к громоздившимся многоэтажным краснокирпичным дебрям, известным под общим названием «Корпуса». Где-то среди ветвей этого леса — во всяком случае, теоретически — зрелыми гроздьями должны были висеть прекрасные, опытные приходящие уборщицы, только и ожидающие, чтобы их сорвали.

Но сорвать такую гроздь оказалось не так-то просто. Архитектурный стиль Корпусов можно было определить как поздневикторианский филантропический. Каждая группа зданий носила имя какого-нибудь благотворителя, а каждый корпус внутри группы обозначался большой латинской буквой. Миссис Минивер вошла в лабиринт через ближайшие ворота и остановилась в нерешительности. О миссис Берчетт она слышала от приятельницы и, насколько помнила, та жила по адресу: дом 23, Платтс-Двеллингс. Но миссис Минивер не учла буквенной системы. Сначала она поднялась в квартиру номер 23 корпуса D, который оказался ближе всего. Затем попробовала номер 23 в корпусе E. Потом F. Потом G. Но либо жильцы действительно не знали адреса миссис Берчетт, либо какой-то тайный код запрещал им выдавать подобную информацию посторонним.

И каждый раз квартира номер 23 находилась на четвёртом этаже. Поэтому, взбираясь по крутой каменной лестнице корпуса H, миссис Минивер почувствовала совершенно несправедливое желание обвинить во всём происходящем Лейн-Понтифексов. На этот раз, однако, ей повезло. Дверь открыла крупная, опрятная, жизнерадостная женщина, чьи волосы были высоко собраны на макушке и напоминали грецкий орех, увенчанный взбитыми сливками. С первого взгляда было ясно: жемчужина среди приходящих уборщиц. Причём жемчужина чрезвычайно работоспособная. Да, она миссис Берчетт. Да, она много раз работала у мисс Дюкейн и очень рада, что та её рекомендовала. Да, конечно, сегодня вечером она придёт и поможет.

— По правде сказать, — с удовольствием добавила миссис Берчетт, — я как раз надеялась, что подвернётся что-нибудь такое. Не то чтобы мне сейчас обязательно нужно было ходить на уборку. Берчетт работает, мальчики тоже. Мой Лен вообще говорит, что мне нечего занимать работу, когда она другим нужнее. Только вот что я вам скажу: не представляю, что бы я делала, если бы совсем перестала работать. Время от времени мне просто необходимо куда-нибудь вырваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.